

«Средь суеты и рутины бумажной в каждой судьбе возникает Однажды...»

(Продолжение. [Начало «В» от 09.06.2021](#))

С Мариной мы отделились друг от друга, стали спать в разных комнатах. Нарочно брали дополнительную работу, чтобы реже встречаться. Я увлекся эзотерикой, пытался найти мистические предпосылки нашей трагедии, супруга по выходным ходила на православные службы в храм, где когда-то отпевали Максимку. Целый год мы жили, словно не замечая друг друга, старались просто выжить, но оба понимали, насколько устали от тишины и слез.

Однажды жена сказала, что собралась увольняться из роддома и перейти на работу в платную женскую консультацию. Понимая, что данное решение вызвано не денежными проблемами, я предложил рассказать о случившемся. Супруга ответила, что не может смириться со смертью и равнодушием мамаш. Она устала от слез женщин, потерявших детей, у которых еще даже не было своего имени, и заявлений особ, так беспристрастно отправляющих своих живых и здоровых детей в Дом малютки. Трагедия, разделившая нашу жизнь на «до» и «после», не позволила Марине вернуться в прежнее русло своей профессии. Она была прекрасным неравнодушным врачом, обожающим свою работу, но, понимая, что нам нужно что-то изменить в нашей жизни, я спорить не стал. Поцеловав свою супругу, поддержал ее решение и сам задумался о переменах в своей работе, которые вскоре произошли без моего участия.

Иван Давидович решил уйти на заслуженный отдых. Его сердце стало часто сдавать, мучило высокое давление. Пригласив остальных учредителей, наш легендарный руководитель объявил об отставке. На свое место он предложил мою кандидатуру. Учитывая уважительное отношение к моему учителю и создателю прекрасного успешного предприятия, к его мнению прислушались, я был назначен генеральным директором издательского дома, который мог похвастаться самой передовой типографией, большим коллективом талантливых корректоров, оформителей и дизайнеров. Мое назначение коллективом было принято единодушно. Больше всех радовался мой отец, который к тому моменту стал пенсионером, но навещал типографию, чтобы порадоваться технологическим новинкам, пообщаться с молодыми инженерами и рассказать об оборудовании, которое теперь можно было встретить лишь в музее.

Однажды в нашем регионе был объявлен конкурс детских стихов, посвященных Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Председателем региональной комиссии по отбору лучших произведений был назначен я, поскольку наш издательский дом выступил основным спонсором. Конкурс проходил в несколько этапов и должен был завершиться вручением красочных альбомов со стихами победителей. Когда конкурс подходил к завершению, я решил заглянуть в типографию, чтобы уточнить технические нюансы и сроки изготовления альбома. На пороге я встретил мужчину, который о чем-то спорил с нашим инженером. Увидев меня, инженер выдохнул и попросил помочь с назойливым жалобщиком. Мы представились друг другу, мужчина назвался Игорем Ивановичем, я спросил, чего он хочет.

Оказалось, сын моего собеседника Степан был участником конкурсного отбора, но его стихи не произвели впечатления на конкурсную комиссию, рукопись вернули с простым ответом: «Не прошли отбор». Тогда Игорь Иванович решил отыскать организаторов конкурса, чтобы убедить принять стихи в печать. В краевой библиотеке, куда он обратился, предложили найти председателя и попробовать его уговорить. По указанному адресу Игорь Иванович стал искать того, кто, по его мнению, сможет помочь. Наш инженер объяснил, с кем нужно встретиться и где, но по счастливой случайности я сам решил навестить типографию.

Мужчина заметно волновался и умолял выслушать всю историю до конца. Решив все необходимые вопросы в типографии, я предложил посетителю пройти в офис, который находился рядом. Расположившись, я попросил посмотреть официальный ответ конкурсной комиссии и стихи Степана. Решение комиссии было законным, ведь мальчик писал не о Великой Отечественной войне целого народа, а войне за свою жизнь в больнице, окружающей его долгие пять лет, к тому же стихи были очень и очень слабенькими. Игорь Иванович рассказал, что Степану всего двенадцать лет, пять из которых он болеет редкой формой лейкемии. Донорский материал подобрать никак не получалось, чтобы продлить жизнь мальчику, несколько раз в год приходилось проходить курсы химиотерапии, приносящие лишь временное облегчение, но после последнего курса врачи предупредили о возможном ухудшении здоровья. Химиотерапию решили повторить, но перед тем как лечь в больницу Степан попросил отца издать его стихи, чтобы оставить на этой земле память о себе.

Наступила минутная тишина, я увидел, что по щекам отца Степана катились слезы, при этом сам почувствовал, как увлажнились мои глаза. Игорь Иванович грустно вздохнул и продолжил, что сын навсегда останется в его сердце, но он все же мечтает исполнить его волю: «Возможно последнюю», – подытожил мой собеседник. Настойчивость отца

не вызывала раздражения, я знал, что для своего ребенка я сделал бы в тысячу раз больше. Оставил стихи у себя и пообещал что-нибудь придумать. В ответ Игорь Иванович сказал, что ему нечем платить, но, имея диплом электрика, он готов починить все, что необходимо в типографии или в этом офисе. Мы ударили по рукам и договорились встретиться в конце недели.

За это время я нашел способ разместить стихи Степана в ежегодном сборнике молодых талантов нашего края. Воспользовавшись положением генерального директора, я заставил редколлегию своего издательского дома принять материал к печати без редактуры. Следующие пару дней ко мне в кабинет потянулись наши Каллиопы – корректоры (музы эпической поэзии), пытались вразумить, рассказать о бездарности стихов недоросля, предупреждали об отрицательных рецензиях. После начали жаловаться Ивану Давидовичу, до сих пор имеющему право участвовать в деятельности издательского дома. С учителем у нас произошел очень длинный, откровенный и нелицеприятный разговор. Суть его сводилась к нескольким фразам:

– Ты понимаешь, что ставишь под удар нашу репутацию? Мы отказали главе региона напечатать стихи его сына, потому что они были бездарными. Нас ценят за то, что печатаем только хорошую литературу. Всю свою жизнь я отбивался от сановных бездарей, которые считали себя талантливыми литераторами. А теперь ты с этим мальчишкой лезешь. Ты хочешь все разрушить?

– Нет, я не хочу все разрушить. Мне хочется, чтобы мы были милосердными.

– Тогда напечатай его стишки в какой-нибудь нашей газете и дело с концом.

– Нет, стихи будут напечатаны только в поэтическом сборнике.

– Почему для тебя это так важно?

– Поймите, мальчик за свою короткую жизнь настрадался больше, чем любой взрослый. У него осталась только его мечта. И мы хотим отобрать ее?!

– Хорошо, пусть будет по-твоему. С учредителями я договорюсь. Раньше в тебе упрямства не замечалось.

– Раньше такого случая не было.

Пока печаталось издание, Игорь Иванович усердно трудился в типографии. Он починил все розетки, заменил счеток, лампы и первым из читателей взял в руки книгу со стихами своего сына. Наполненный радостью, он попросил один экземпляр на память. Взяв дополнительные расходы на себя, я подарил семье мальчика несколько коробок с заветным изданием.

Только мы расстались с Игорем Ивановичем, в моем кабинете раздался звонок. По телефону юный голос благодарил меня за чудо. Лишь через мгновение я понял, что со мной говорил Степан. Он рассказал, что теперь обязательно поправится, чтобы продолжить творить. На минуту мне показалось, что я говорил со своим Максимкой, потом вдруг опомнился, пожелал здоровья и попросил звонить чаще...

Впервые за долгое время на душе была радость от того, что смог кого-то сделать счастливым. Вечером я рассказал жене о своем поступке, мальчике и его болезни. Она молча выслушала меня, почему-то грустно и тяжело вздохнула, сказав, что гордится мной.

В творческих кругах этот сборник не имел особого успеха, но для меня стал самым любимым изданием того года, который был рекордным по количеству выпущенных книг. Работа снова захватила меня. Я старался многое успеть, но вскоре снова почувствовал одиночество и пустоту. Маришка была рядом, но в ее глазах все так же читались боль и отчаяние.

Прошел целый год, прежде чем я снова увидел Игоря Ивановича. Он встретил меня рядом с типографией, куда зашел поздороваться с сотрудниками. Сначала я обрадовался его визиту, ведь Степан обещал не бросать поэзию, подумал, что отец снова принес рукопись. Но через мгновение, вспомнив тяжелый вздох Маришки, мое

сердце кольнуло тяжелое предчувствие. Раздав поручения коллегам, я предложил Ивану Игоревичу зайти в кабинет выпить кофе.

Когда напитки были разлиты и источали чудесный аромат, я спросил как дела. Мой собеседник ответил, что пришел проститься со мной, поскольку решил покинуть этот город навсегда. Он вдруг замолчал, а потом продолжил, что Степан умер через две недели после выхода книги...

Я снова почувствовал, как слезы подступают к моим глазам, зная, что любые слова в таком горе являются пустым звуком, смог выдать только: «Соболезную». Игорь Иванович посмотрел на меня и сказал, что на сороковой поминальный день со дня смерти Степана они с женой узнали, что снова станут родителями. Расценив это известие как подарок судьбы, они решили остаться вместе и еще раз попробовать стать счастливыми. Игорь Иванович засунул руку в карман, достал фото и протянул его мне. На цветном снимке сидела красивая улыбчивая женщина и держала на руках румяную пампушку, всю одетую в кружева. «Эта наша Наденька», – пояснил собеседник. Выждав паузу, пока я рассматривал фото с этим розовым комочком счастья, Игорь Иванович рассказал, что одного ребенка невозможно заменить другим, у каждого из них навсегда будет свое место в сердце матери и отца, но появление дочери заставило убитых горем родителей встрепенуться и заполнить свою душевную пустоту любовью к новому человеку. Почти сразу после рождения семья поехала навестить родню на берег теплого моря, где решила остаться жить навсегда. Игорь Иванович вернулся из отпуска один, чтобы собрать вещи и распорядиться имуществом, которое уже успел продать. На вопрос, кто будет ухаживать за могилой Степана, Игорь Иванович пояснил, что заключил договор со смотрителями кладбища по уборке ее территории. Я предложил показать мне место захоронения Степана, чтобы иногда навещать его и приглаживать за работой смотрителей. Мой собеседник долго отнекивался, говорил о неловкости ситуации, но под натиском логики согласился, и мы отправились на кладбище, которое располагалось за городом. По дороге заехали в цветочный магазин и купили нашим сыновьям букеты с четным количеством гвоздик.

Когда мы подъехали к нужному повороту, оказалось, что наши мальчишки были похоронены недалеко друг от друга. Игорь Иванович похвалил нас за качество исполнения надгробного памятника, который с Маришкой мы выбирали вдвоем, сказал, что непременно сделает такой же Степану, когда придет время. Этот разговор был странным и неестественным, ведь обсуждался камень и плита, навсегда укрывшая тело ребенка, который должен был прожить до глубокой старости и сам проводить меня в последний путь. Игорь Иванович заметил мое растерянное состояние, попытался начать рассказ о бессмертии душ, но, не получив поддержку этой темы с моей стороны, проводил меня до могилы Степана. Поправив еще не выцветшие венки, мы немного

помолчали и вернулись в машину...

По дороге в город Игорь Иванович благодарил меня за огромную помощь, передавал сердечный привет от своей семьи. Зная о нашем несчастье, пожелал обрести покой и равновесие. Уверял, что за свой поступок я буду щедро награжден судьбой. Мы обменялись телефонами, я пожелал быстрее освоиться на новом месте. Не удержался и напоследок спросил: «А вам не страшно было начинать все сначала?» Игорь Иванович улыбнулся и ответил, что любит свою жену всем сердцем и после смерти Степана видел, как она медленно сходила с ума, но теперь, когда родилась Наденька, был уверен – беда больше не постучится в их дом. «Нам теперь даже плакать некогда, весь мир занят этой крошкой...» – уходя сказал Игорь Иванович.

Посещение кладбища всегда для меня было мероприятием, после которого нужно время, чтобы прийти в себя, но после встречи с человеком похожей судьбы мне просто необходимо было немного развеяться. На работе, соврав о внезапно назначенном совещании, я решил прогуляться по любимым местам города. Оставив машину на стоянке, я вышел на главную улицу и тут же оказался в окружении молодых красивых девушек, заманивающих посетителей в ювелирный магазин для покупок со скидками в связи с юбилеем сети. Внезапно с неба стал накрапывать дождь и резко похолодало. Я решил спрятаться от непогоды, поддался уговорам и пошел бесцельно глазеть на сверкающие украшения. Вдруг из многообразия крутящихся витрин я увидел сережки, которые хотел подарить Маришке в связи с двенадцатилетнем со дня рождения Максимки. Когда родился наш сын, в знак благодарности за появление наследника я придумал традицию в этот день дарить ей украшения. Учитывая работу в роддоме, кольца Маришка не носила, но к сережкам испытывала слабость. Купить эту красоту перед праздником я не успел, после было не до того, и я забыл о своем намерении. Учитывая, что коллекция украшений была прошлых лет, купить заветные серьги я смог в половину цены. Оформив подарок в красивую коробочку, я решил поужинать с Маришкой в когда-то любимом ресторане. По телефону она долго пыталась у меня повод похода в заведение, где мы не были больше трех лет, но потом сдалась и согласилась освободиться с работы пораньше. Встретиться договорились у входа в ресторан...

Когда мы заказали ужин, обратили внимание на изменение антуража вокруг. Стали вспоминать наши прежние походы сюда по праздникам и без них, потом оба резко замолчали и загрустили. Тогда я достал коробочку из кармана пиджака и со словами: «Я тебе так давно ничего не дарил», – передал Маришке. Она, как прежде, смутилась и сказала, что не нужно было тратить деньги, но бантик с коробочки поспешила снять. «Боже, какая красота!» – воскликнула она, когда открыла упаковку. Снова увидев свет в ее глазах, я вдруг понял, как сильно люблю своего маленького фельдшера, вместе со

мной мужественно принявшего такой сокрушительный удар судьбы. Маришка посмотрела на меня и с грустью добавила: «А мне нечего тебе подарить». Волна тепла наполнила мою душу, я поцеловал руку своей жены и ответил: «Родная, подари мне дочку...»

Чтобы решиться родить ребенка, нам пришлось многое обсудить. Возраст не прибавил здоровья, страх вновь потерять свое дитя заставлял цепенеть душу, ноющая рана в сердце не позволяла думать о будущем. Но когда следующей осенью я впервые взял на руки нашу Анютку, понял, что напрасно терзался этими муками. У Максимки до сих пор свое место в моем сердце, но только после рождения дочери я понял, что там достаточно места, чтобы жить и быть счастливым человеком, мужчиной и отцом.

Ариша ЗИМА